

МИЯ ГРЭИ



ИЗМЕНА
ПЫШКА АТАКУЕТ

Мия Грэй

Измена. Пышка атакует

<https://litres.ru/74342573>

SelfPub; 2026

Аннотация

Десять лет брака, идеальный дом и муж, который однажды решил, что ему нужна другая — молодая, стройная, совсем не похожая на неё.

Лера могла бы тихо собрать вещи и исчезнуть. Могла бы устроить скандал. Но вместо этого она выбирает третий путь: перестать быть удобной. Она возвращает себе уверенность, учится любить своё тело и вдруг обнаруживает, что её «пышные» формы — вовсе не недостаток, а оружие.

Содержание

Глава	4
Глава 1. Идеальный пазл	5
Глава 2. Выход в свет	13
Глава 3. Неудобные вопросы	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Мия Грэй

Измена. Пышка атакует

Глава

Глава 1. Идеальный пазл

Лера любила этот час. Тот самый, короткий и драгоценный промежуток между окончанием рабочего дня и возвращением мужа, когда дом принадлежал только ей. Солнце уже не пекло, а мягко золотило кухонные шкафчики, и в воздухе витал запах жасмина с подоконника. Она стояла у плиты, помешивая деревянной ложкой томатный суп с базиликом, и слушала, как тишину нарушает лишь тиканье старых напольных часов, доставшихся от бабушки. Легкая музыка струилась из динамика, сплетаясь с ароматами ужина, и Лера поймала себя на том, что улыбается чему-то своему, внутреннему, почти девичьему. Десять лет брака, а она до сих пор ждала его прихода с тем же трепетом, с каким когда-то бегала на свидания в университетский парк. Разве это не счастье? Разве не в этой простоте — настоящая ценность?

Она окинула взглядом кухню: льняные салфетки аккуратно сложены, хрустальная ваза с полевыми цветами стоит в центре стола, а на тарелках уже разложены нарезки. Всё идеально, всё на своих местах, как пазл, который она собирала десять лет, подгоняя каждую деталь под общий замысел. Их замысел. Она и Сергей. Идиллия, о которой другие только мечтают.

Когда раздался звонок в дверь, Лера сначала удивилась: Сергей обычно открывал своим ключом и всегда предупре-

ждал, если задерживается. Вытерев руки о передник, она пошла к двери, всё ещё улыбаясь, думая, что, может быть, соседи заглянули за сахаром или курьер ошибся адресом. Но на пороге стояла девушка. Молодая, лет двадцати пяти, с короткой стрижкой цвета воронова крыла, в обтягивающих джинсах и белой футболке, которая подчеркивала загар. Она была похожа на картинку из глянцевого журнала: стройная, с острыми коленками и длинной шеей, которую украшала тонкая цепочка. Лера невольно провела рукой по своему вороту, где под простым платьем в горошек пряталась та же самая цепочка — подарок Сергея на пятилетие свадьбы.

— Здравствуйте. Вы Лера? — спросила девушка, и голос у неё оказался низким, даже слегка хриловатым, что делало её ещё более притягательной. В руках она держала небольшую коробку, перевязанную синей лентой, и смотрела прямо, чуть насмешливо, с той уверенностью, которая бывает у людей, привыкших получать желаемое.

— Да, — Лера растерянно моргнула, инстинктивно поправляя выбившуюся из пучка прядь русых волос. — Слушаю вас.

— Это вам, — девушка протянула коробку. — От Сергея. Он просил передать, что сегодня не придёт на ужин. Срочные переговоры. Но просил извиниться вот таким образом, — она усмехнулась, и в этой усмешке было что-то собственническое, почти интимное.

Лера взяла коробку, чувствуя, как под пальцами пульси-

рует шершавая бумага. Она не знала, что ответить. Обычно Сергей звонил сам. Всегда. И голос у него был виноватый и мягкий, он обещал принести шоколад и обязательно поцеловать в макушку, когда вернётся. Но здесь... Всё это выглядело странно. Слишком официально. И от этой девушки пахло дорогим парфюмом, слишком сладким, почти приторным для простого курьера.

— Простите, а вы... — Лера запнулась. Она хотела спросить, кто она, но слова застряли в горле, потому что девушка уже повернулась и пошла прочь по дорожке, виляя бёдрами и не оглядываясь. Лера закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Сердце стучало где-то в горле, и она не могла понять, отчего вдруг так пересохло во рту.

Она вернулась на кухню, поставила коробку на стол и долго смотрела на неё, будто та могла взорваться. Ужин уже почти остыл, суп на плите начал закипать и булькать, грозя убежать. Лера выключила огонь, взяла дрожащими руками коробку и развязала ленту. Внутри лежали серебряные серьги с сапфирами — маленькие, изящные, совершенно не в её стиле. Она носила крупные серьги-кольца, потому что считала, что они уравнивают её округлые щёки и мягкий подбородок. Эти же были тонкими, как паутинка, словно для другой женщины. Для той, что стояла на пороге. Для той, что носила короткие стрижки и острые коленки.

Лера зачем-то достала телефон и нажала на фотографию профиля Сергея в мессенджере. Последний раз они обща-

лись три часа назад: он прислал ей смайлик-сердечко и написал «Скучаю». Она ответила тем же. Теперь эти «сердечки» казались фальшивкой, дешёвой бутафорией, прикрывающей пустоту. Её пальцы сами собой открыли раздел «Документы» на старом планшете, который Сергей забыл сегодня утром на кухонном столе. Она не знала, зачем это делает, но что-то внутри уже угадывало правду.

Планшет был незаблокированным. В браузере открылась вкладка с картой ресторана, где они с Сергеем были два месяца назад, и Лера почувствовала, как земля уходит из-под ног. Затем она увидела чат. Не её, не общий семейный, а другой. Имя «Алиса» светилось вверху. Лера никогда не слышала об этой Алисе. Она пролистала переписку, и каждое слово вонзалось под кожу иголками.

«Я хочу, чтобы ты была рядом», — писал Сергей вчера в два часа ночи. Лера вспомнила, что он тогда «задержался на работе» и пришёл под утро, пахнувший виски и чужими духами. Она списала на усталость и на то, что у коллег мог быть корпоратив. Теперь запах виски обрёл лицо.

«Малыш, ты просто невероятная», — вторая фраза, и смайлик с поцелуем.

Лера закрыла планшет, отложила его в сторону, а затем снова открыла. Ей нужно было понять, почему. Почему он, её Серёжа, который всегда называл её «пышкой» и целовал в плечо, пока она спит, вдруг пишет это кому-то с острыми коленками. Она прокрутила дальше и наткнулась на фотогра-

фию. Алиса. Та самая, с порога. В белом купальнике, с идеальным прессом и загорелой кожей. И подпись: «Моя любимая. Скучаю». Эти слова он никогда не говорил ей вот так, прилюдно. Они были для двоих.

Слёзы навернулись, но Лера не дала им пролиться. Она смотрела на свои руки — пухлые, с аккуратным маникюром, руки, которые гладили его рубашки и месили тесто для пирожков, которые он обожал. На свои бёдра, которые он когда-то называл «самыми желанными» в ту ночь, когда они встретились на дне рождения общей подруги. Тогда она тоже была пышкой. Почему сейчас это стало недостатком? Почему её женственность, её мягкость, её дом — всё это вдруг перестало быть ценным?

Внутри поднималась не только боль, но и странное, холодное спокойствие. Это была не истерика, не желание разбить посуду или позвонить ему и наорать. Это было что-то другое. Это было решение. Тихое, как скольжение льдины по воде.

Она подошла к зеркалу в прихожей и внимательно посмотрела на своё отражение. Круглое лицо с высокими скулами, карие глаза, влажные от сдерживаемых слёз, и полные губы, которые она так старательно подкрашивала, чтобы утром, когда Сергей уходил на работу, он запомнил этот поцелуй. Пышные плечи, крутая грудь, талия, которую она считала «неидеальной», и бёдра, всегда немного великоватые для стандартной линейки магазинов. Она смотрела на себя и впервые за долгие годы не видела «жену» или «хозяй-

ку». Она видела женщину. Уставшую, преданную, но живую.

Нет, она не будет собирать чемодан и убегать в слезах. Она не будет делать ему сцену. Она не даст ему того удовлетворения, чтобы видеть её разбитой. Если он решил, что она — деталь интерьера, которую можно заменить на более новую модель, она докажет обратное. Она больше не будет удобной. Не будет заворачивать его бутерброды в фольгу, улыбаться и делать вид, что не замечает, как он отводит глаза, когда она говорит о детях. Она не будет сглаживать углы и молчать о том, что её душа превратилась в пустыню.

Лера сняла передник и аккуратно повесила его на крючок. Затем достала из коробки серьги с сапфирами, положила их обратно и засунула коробку в ящик стола с кухонными полотенцами. Они ей не нужны. Ей нужна была она сама. Настоящая. Та, которую она потеряла где-то между бесконечными ужинами и стирками.

Телефон на столе пикинул. Сообщение от Сергея: «Прости, любимая, я сегодня приеду поздно. Работа. Ты не скучай, я куплю тебе тот самый торт из кондитерской, который ты любишь. Целую».

Лера посмотрела на экран, и горькая, почти жестокая усмешка тронула её губы. «Любимая», — прошептала она. — «Как же ты легко врёшь, Серёжа. И как же я долго хотела верить в эту ложь». Она не ответила. Просто выключила экран и пошла в спальню. Собрала с туалетного столика всю косметику, которой она пользовалась годами, и выкинула в

ведро. Нет, она не станет краситься «для него». Она станет красивой для себя.

Она достала свой старый дневник, который вела в университете, и на первой чистой странице написала: «С сегодняшнего дня я живу для себя. И точка». Остановилась, посмотрела на строчку, затем дописала: «Измена — это не конец. Это начало».

В коридоре зазвенели ключи, но Лера не пошла открывать. Она знала — это вернулся Сергей, наверное, забыл что-то важное, или ему вдруг стало совестно. Она слышала его шаги, слышала, как он зовёт её: «Лера! Ты тут? Я на минуточку». Она молчала. Ей нужно было время. Время, чтобы принять ту новую себя, которая только что родилась в этом вечернем свете, среди запаха остывшего супа и тиканья старых часов.

Он постоял в прихожей, затем заглянул на кухню, увидел нетронутый ужин, нахмурился, но ничего не сказал, быстро схватил что-то из шкафа и вышел. Хлопнула входная дверь. Лера выдохнула. Она больше не чувствовала трепета. Только холодную решимость и неожиданную лёгкость. Как будто она сбросила с плеч многопудовый груз чужих ожиданий.

«Ну что, — подумала она, — посмотрим, кто кого». Она подошла к комоду и достала ярко-красное платье, которое когда-то купила в порыве отчаяния и так ни разу не надела, потому что Сергей сказал, что это «слишком вызывающе». Теперь она надела его, посмотрелась в зеркало и впер-

вые увидела не «пышку», а женщину, которая готова идти напролом. И этот взгляд был прекрасным.

Теперь она знала, что её ждёт непростой путь. Путь, полный сомнений и боли, но и свободы тоже. И она готова была пройти его до конца, шаг за шагом, не оглядываясь на прошлое, которое так предательски треснуло по швам. Этот вечер стал точкой невозврата. Она больше не будет тихой и покорной. Её измена самой себе закончилась.

Глава 2. Выход в свет

Ночь прошла в странном, тревожном забытии, больше похожем на бодрствование под тонкой пленкой сна. Лера слышала, как Сергей вернулся далеко за полночь, как он тихо раздевался в прихожей, как его шаги прокрались мимо спальни, где она притворялась спящей, и как он устроился в гостевой комнате. Обычно она бы встала, накинула халат, подошла бы к нему, обняла бы со спины, спросила, не голоден ли он. Но сегодня её тело оставалось неподвижным, а внутри росла пустота, которая почему-то не была болезненной. Она была похожа на чистый лист, на котором пока нет ни строчки, но уже чувствуется запах чернил.

Утром, когда Сергей уехал на работу, оставив на столе записку с извинениями и обещанием вернуться пораньше, Лера наконец поднялась. Она разорвала записку на мелкие клочки и выбросила в мусорное ведро, рядом с выброшенной косметикой. Затем долго стояла под горячим душем, позволяя воде смывать с себя не только сон, но и ту покорную, удобную Леру, которую она так долго культивировала. На смену ей приходила другая — та, что вчера вечером надела алое платье и увидела в зеркале нечто большее, чем просто отражение.

Она вышла из ванной, замотавшись в махровое полотенце, и подошла к шкафу, который был её личным музеем на-

дежд. Там висели вещи, купленные когда-то «на выход», «на случай», «если похудею». Она провела рукой по плечикам, задерживаясь на тканях, которые помнили прикосновения её пальцев, но никогда не касались её тела. Сегодня она вытащила то самое платье, которое вчера надела на несколько минут. Алое, длиной чуть выше колена, с глубоким вырезом на спине и свободным, струящимся подолом, который делал её бёдра ещё более женственными, почти скульптурными. Она критично оглядела себя, ожидая увидеть недостатки, но вместо них увидела мягкие линии, которые не нуждались в оправдании.

«Ты не толстая, — сказала она своему отражению, как когда-то говорила ей подруга Надя. — Ты — женщина с формами, и это не приговор, это оружие». Лера улыбнулась, и улыбка вышла дерзкой, незнакомой, словно она примеряла чужую жизнь. Но это была её жизнь. И она собиралась жить её по-новому.

Она накрасилась, но не так, как раньше. Вместо привычной бежевой гаммы она взяла тёмно-вишнёвую помаду, которая подчеркивала полноту её губ, и подвела глаза стрелками, которые делали взгляд глубоким, почти кошачьим. Волосы она распустила — густые, с лёгкой волной, они падали на плечи, придавая образу лёгкую небрежность, которая так шла ей. Она надела туфли на каблуке, которые когда-то подарила себе сама в знак того, что жизнь не заканчивается на домашних тапочках. И, глядя на себя в полный рост, она

поняла: это не просто переодевание. Это перерождение.

Но куда идти? Выход в свет — понятие растяжимое. Она не собиралась в клубы или дорогие рестораны, где её могли бы увидеть знакомые. Ей хотелось просто почувствовать себя настоящей, ощутить на себе взгляды, которые не были бы наполнены привычной снисходительностью. Она взяла сумку, ключи и вышла из дома, даже не взглянув на кухню, где на плите так и стоял вчерашний суп, уже окончательно остывший.

Город встретил её шумом и суетой, но Лера шла медленно, впитывая каждое мгновение. Она зашла в маленькую кофейню, которую никогда не замечала раньше, потому что всегда спешила домой к ужину. Здесь пахло свежей выпечкой и корицей, и играла тихая джазовая музыка. Она заказала капучино с карамелью, что было её маленьким грехом, который она давно запретила себе из-за «лишних калорий». Теперь ей было всё равно. Она сидела у окна, наблюдая за прохожими, и чувствовала, как на неё время от времени обращают внимание: мужчины за соседними столиками бросали короткие взгляды, женщины с завистью, но без злобы. Она не отводила глаз, а наоборот, встречала эти взгляды с лёгкой улыбкой, в которой читалось: «Я знаю, что я хороша. И это не ваше дело».

Зазвонил телефон. На экране высветилось имя Нади, её лучшей подруги, с которой они дружили со школы. Лера взяла трубку, и голос Нади, бойкий и звонкий, ворвался в её

новую реальность.

— Лерка! Ты чего не отвечаешь целый день? Я уже начала волноваться! Серега твой звонил, говорит, ты трубку не берёшь. У вас там что-то стряслось?

— Надь, — Лера почувствовала, как горло сжалось, но она не позволила себе заплакать. — Надь, я вчера узнала, что он мне изменяет.

В трубке повисла тишина. Такая плотная, что Лера услышала, как на кухне кофейни шипит паровая трубка. Затем Надя выдохнула, и в этом выдохе были и шок, и ярость, и материнская забота, смешанные в одном комке.

— Что? Ты серьёзно? Этот... этот козёл? Я всегда знала, что он не стоит твоего мизинца! Но ты уверена? Может, это ошибка?

— Я видела переписку, Надь. И я видела её. Вчера она пришла к нам домой, чтобы передать мне подарок от него. Представляешь? Она стояла на моём пороге и смотрела на меня, как на прислугу.

Надя выругалась, но не грубо, а как-то по-русски, с душой.

— Лера, я сейчас приеду. Мы выпьем, мы поговорим, мы что-нибудь придумаем. Не смей сидеть одна!

— Я не одна, — Лера усмехнулась, глядя на отражение в оконном стекле, где алое платье горело на фоне серого дня. — Я, кажется, с собой. С новой собой. Надь, я не собираюсь страдать. Я собираюсь жить.

— Ты? — Надя удивилась, потому что знала Леру как

тихую и мирную жену, которая никогда не повышала голос. — Ты, которая в школе боялась подойти к доске? Ты решила зажигать?

— Решила, — твёрдо сказала Лера. — Давай встретимся вечером. Только не в моём доме. Я хочу куда-нибудь, где меня никто не знает. Где я могу быть кем угодно.

— Есть место, — Надя задумалась. — Новый бар на набережной, «Терраса». Там собирается интересная публика, и никто не смотрит на тебя с осуждением. Я буду там в восемь.

— Договорились, — Лера отключила звонок и почувствовала, как внутри разливается тепло. Не от капучино, а от того, что она сделала этот шаг. Она больше не пряталась.

Оставшееся время до вечера она провела в парке, бродя по аллеям и вдыхая запах влажной листвы. Она думала о том, что случилось, и впервые позволяла себе злость. Не ту, что разрушает, а ту, что строит. Она представляла, как скажет Сергею всё, что накопилось: о том, как он пропадал по ночам, о том, как он перестал её замечать, о том, как она чувствовала себя декорацией, которую можно передвинуть в любой момент. Но она не будет кричать. Она будет говорить спокойно, с достоинством. Или не будет говорить вовсе. Может быть, молчание — это лучшая месть.

Вечер опустился на город, как бархатное покрывало, и Лера поймала такси, которое привезло её к «Террасе». Место оказалось уютным: открытая веранда с видом на реку, гирлянды огней, плетёная мебель и приглушённый свет, кото-

рый делал всех вокруг красивее. Надя уже сидела за столиком в углу, размахивая рукой, чтобы привлечь внимание. Она была стройной, подтянутой брюнеткой, всегда одетой с иголочки, и сейчас она смотрела на подругу с таким изумлением, что Лера даже засмеялась.

— Господи, Лерка! — воскликнула Надя, когда та подошла. — Ты? Это ты? Я тебя не узнала! Ты выглядишь... дорого. Сексуально. Чёрт, ты что, с ума сошла? В хорошем смысле!

— Надь, я решила, что если мне суждено быть одной, то я буду самой классной одной на свете, — Лера села напротив и взяла меню. — Сегодня я пью всё, что захочу. И я не буду считать калории.

Они заказали вино, закуски и болтали как в юности, перебывая друг друга, смеясь и обсуждая всё на свете. Надя рассказывала о своих романах, о работе, о бесконечных диетах, а Лера слушала и вдруг поймала себя на том, что ей легко. Она не чувствует себя половинкой кого-то. Она — целое. И это ощущение опьяняло сильнее любого алкоголя.

— Слушай, — Надя наклонилась ближе и понизила голос. — А ты знаешь, что мы сидим за соседним столиком с теми двумя мужиками, которые уже полчаса на тебя пялятся? Ты видишь?

Лера повернула голову и встретила взглядом с мужчиной, который сидел в одиночестве за столиком у перил. Он был высок, с загорелой кожей, лёгкой щетиной на квадрат-

ном подбородке и пронзительными серыми глазами, которые смотрели на неё с откровенным интересом. Не с тем пошлым, оценивающим взглядом, который она привыкла видеть на улице, а с любопытством человека, который увидел нечто необычное. Он чуть приподнял бокал в её сторону, как бы здороваясь, и улыбнулся — открыто, без тени смущения. Лера не отвела глаз. Она улыбнулась в ответ, слегка, загадочно, и почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Это был не страх и не стыд. Это была власть. Власть над тем, кто смотрит, и над собой, которая разрешает себе быть увиденной.

— Ого, — выдохнула Надя. — Лерка, ты его знаешь?

— Нет. Но, кажется, я хочу узнать, — сказала Лера и, сделав глоток вина, почувствовала, что её жизнь только начинается. И это начало было прекрасным, пугающим и абсолютно правильным.

Через несколько минут мужчина поднялся, взял свой бокал и направился к их столику. Он двигался уверенно, но без наглости, и остановился рядом с Лерой.

— Простите за наглость, — сказал он, и голос его был глубоким, с хрипотцой, которая заставила её сердце пропустить удар. — Меня зовут Артём. Я понимаю, что это звучит как дешёвый подкат, но я не мог не подойти. Вы выглядите так, будто знаете какой-то секрет, который я очень хочу разгадать.

Лера подняла на него глаза, и внутри неё что-то дрогнуло.

Она не знала, что ответить. Но она знала точно: она больше не будет молчать. Она будет говорить. Она будет жить. И она будет выбирать себя.

— Лера, — сказала она, протягивая руку. — И вы правы. У меня есть секрет. Но я не собираюсь раскрывать его сразу.

Артём рассмеялся, и этот смех был тёплым, как летний дождь. Он сел за их столик, и разговор пошёл легко, как будто они знали друг друга вечно. А за спиной Леры остался старый мир, где она была удобной женой. Теперь она вступала в новый, где она была просто женщиной. И это было самое захватывающее путешествие в её жизни.

Глава 3. Неудобные вопросы

Такси остановилось у подъезда, и Лера еще несколько секунд сидела на заднем сиденье, глядя на освещенные окна их квартиры на третьем этаже. Горел свет в гостиной – Сергей вернулся. Внутри не было ни страха, ни трепета, только глухое, спокойное ожидание, похожее на то, которое бывает перед выходом на сцену. Она расплатилась с водителем, вышла из машины, и ночной воздух, влажный и прохладный, коснулся ее обнаженных плеч, принося с собой запах мокрой листвы и городской пыли. Каблуки цокали по асфальту, и каждый шаг отдавался в груди уверенностью, которую она не чувствовала в себе уже много лет. Сегодня она была не просто женой, возвращающейся домой. Сегодня она была женщиной, которая пришла за правдой.

Дверь она открыла своим ключом, и в прихожей сразу же почувствовался запах его парфюма, смешанный с чем-то тревожным, почти отчаянным. Сергей стоял в коридоре, прислонившись плечом к стене, и в его позе читалась напряженная ожидание. На нем была домашняя футболка, волосы взлохмачены, а в руках он нервно сжимал мобильный телефон, который тут же сунул в карман, когда увидел её. Лера заметила это движение – быстрое, почти паническое – и внутри всё сжалось, но она не подала виду. Она медленно сняла туфли, поставила их на полку, затем повесила сумку

на крючок и только потом подняла взгляд на мужа.

– Лер, ты где была? – голос Сергея сорвался на какую-то фальшивую заботу, которая резала слух. – Я звонил тебе раз двадцать! Надя сказала, что вы встретились, но она не говорила, где. Я волновался.

– Волновался? – Лера усмехнулась, и в этой усмешке было столько горечи, что Сергей невольно отступил на шаг. – С каких это пор ты начал волноваться, Серёж? Ты же всегда знаешь, где я. Дома. На кухне. У плиты. Разве не так? А сегодня я нарушила привычный сценарий, и это вызвало беспокойство?

Она прошла мимо него в гостиную, зажгла торшер, отбрасывающий мягкий желтый свет на диван и книжные полки. Сергей последовал за ней, явно пытаясь собраться с мыслями. Он был растерян, и это было заметно: обычно уверенный, собранный мужчина, который легко решал вопросы на работе, сейчас выглядел как мальчишка, которого застали за шалостью. Лера села в кресло, скрестив ноги, и смотрела на него в упор, не отводя глаз. Тишина повисла в комнате, густая и тяжелая, как паутина. Слышно было только, как за окном проехала машина, и как в соседней квартире кто-то включил телевизор.

– Лера, ты меня пугаешь, – сказал он, присаживаясь на край дивана напротив. – Что случилось? Почему ты так одета? Ты же никогда не носишь это платье. Я же говорил, что оно слишком...

– Что оно слишком вызывающее? – перебила она, и голос её зазвенел, но не сорвался. – Я помню, Серёжа. Ты говорил это три года назад, когда я купила его в надежде, что ты снова согласишься на меня, как тогда, на первом свидании. Ты сказал, что оно мне не идет. Что оно для девушек потоньше. И я послушалась. Я всегда слушалась. Только вот сегодня я решила, что мне уже всё равно, что ты думаешь.

Она замолчала, давая ему время осмыслить её слова, и видела, как по его лицу пробегает тень беспокойства. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но она жестом остановила его.

– Я знаю об Алисе, – произнесла она, и эти слова повисли в воздухе, как приговор.

Лицо Сергея изменилось мгновенно. Сначала он побледнел, затем на щеках выступил нездоровый румянец, а глаза метнулись по сторонам, будто искали путь к отступлению. Он попытался что-то сказать, но губы его дрожали, и он сглотнул, прежде чем выдать из себя:

– Лера, я... я не знаю, о чём ты говоришь. Какая Алиса? Это кто-то с работы?

– Не надо, Серёжа, – Лера покачала головой, и в этом жесте было столько усталости, что он замолчал. – Я не собираюсь устраивать сцен с битьём посуды и криками. Я не та женщина. Я никогда ей не была. Но я хочу, чтобы ты знал: я видела вашу переписку. Я видела фотографии. И я видела её вчера, когда она стояла на пороге нашего дома и переда-

вала мне серьги, которые ты купил ей на самом деле, но отдал мне, чтобы замести следы. Я не дура. Я просто слишком долго притворялась, что ничего не замечаю.

Сергей вскочил с дивана и заметался по комнате, заламывая руки. Это было не похоже на него – обычно он держал себя в руках, даже когда они ссорились из-за мелочей. Сейчас же перед Лерой стоял совсем другой человек: испуганный, загнанный в угол, пытающийся найти слова, которые могли бы всё исправить.

– Лера, послушай, – начал он, останавливаясь перед ней и пытаясь взять её за руки. Она мягко, но решительно отстранилась, и он опустил руки, поражённый её холодностью. – Это не то, что ты думаешь. Алиса – просто ошибка. Я не знаю, что на меня нашло. Ты же знаешь, я тебя люблю. Мы десять лет вместе! Это не может просто так закончиться.

– А что это может? – тихо спросила Лера. – Мы десять лет вместе, и ты не заметил, что я превратилась в тень. Я больше не чувствую себя женщиной рядом с тобой. Я – функция. Я готовлю ужин, стираю бельё, планирую отпуск и звоню твоей маме, потому что тебе лень. И ты платишь мне за это тем, что находишь себе другую. Молодую. Стройную. Ту, у которой нет складок на животе и которая умеет носить короткие стрижки.

Голос её дрогнул, но она справилась. Она не позволила себе заплакать, хотя внутри всё кипело, как вулкан, готовый вот-вот извергнуть лаву. Она видела, как он мучается, как

пытается подобрать оправдания, и это только укрепляло её мысли, что она поступила правильно. Она заслуживала правды, даже если эта правда обжигала.

– Ты считаешь, что она лучше меня? – спросила Лера, и вопрос прозвучал не как просьба о подтверждении, а как вызов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.